

Виктор Сухоруков: «ЖИВУ СЕГОДНЯШНИМ ДНЁМ»

СУХОРУКОВ Виктор Иванович родился 10 ноября 1951 года в Подмоскowie, в Орехово-Зуеве. В 1978-м окончил ГИТИС. В 1978—1982 годах — актер Ленинградского академического театра комедии имени Н.П. Акимова, в 1986—1993 годах — Ленинградского (Петербургского) театра имени Ленинского комсомола (ныне — «Балтийский Дом»), в 1993 — 1995 годах — Петербургского государственного театра драмы и комедии на Литейном. С 1995-го — снова в театре комедии.

Зрители узнали артиста Сухорукова только в 1989-м, когда в «Бакенбардах» он жестко и страшно сыграл то, что было на улицах, — вылезшего из щели фашиста, претендующего на «наше все». Яростная театральность происходящего помогла Сухорукову в этой первой главной роли освоиться в кинопространстве.

Еще не раз Сухоруков сыграет «маленького человека», возмнившего о себе, — и, в частности, это будет «шестерка», изображающий Ленина в тюремной самодеятельности («Комедия строгого режима»), и двойник вождя, становящийся вождем («Все мои Ленины»).

Собственно, режиссеры, его приглашающие, отлично знают уровень артиста (не случайно уже в «Бакенбардах», как затем и в «Брате», он снимался под своим именем, которое означает «победитель»); ему для бешеной популярности не хватает только штуки-другой телесериалов — или просто мелькания в телетусовках.

Артист Виктор Сухоруков дважды был признан лучшим актером гатчинского фестиваля «Литература и кино». Теперь уже за роль в картине Станислава Говорухина «Не хлебом единым». Он блестяще доказал старую истину, гласящую, что глубина и жизнеспособность образа от объема экранного времени не зависят, и сподвигнул жюри на формулировку «За диалектически полный портрет советского начальника».

— Виктор, для вас важны призы?

— Что такое приз?

Это все равно материальный знак того, что тебя увидели, разглядели и, главное, оценили. К сожалению, мы знаем много примеров, когда оценивают не по заслугам. Но артисты как дети, а приз — как конфетка. Актеры любят сладкое. И я отношусь к призам как к подаркам.

— Ваш путь вверх был очень непрост, извилист и долог. В кинематограф вы пришли почти в сорок, широкую известность у зрителя получили почти в пятьдесят. Вызывают искреннее уважение ваши верность профессии и умение ждать — как часть этой профессии.

— А что такое «вверх»? И где он, «вверх»? Однажды в разговоре со мной журналист так часто повторял слово «звезда», что я не выдержал и сказал ему: «Я не хочу быть «звездой», я хочу быть нужным!».

Для меня «вверх» — возвращение туда, к чему я стремился. Возможность реализации тех сил, энергии, дарований, какими меня наделил Господь. Я живу теперь светло, потому что нахожусь в свете: я вернулся под прожектор. Вот это мой «вверх».

— Известно ведь, что легче взобраться вверх, чем там удержаться.

— Удержаться задачи нет. Как пойдет. Может быть, в этом и есть моя сила, моя правда: живу сегодняшним днем. И главная ценность, которую я отдаю своим современникам, это я сам. Я отдаю себя. Принимаете — не принимаете, любите — не любите, но я есть. И я рад, что замечен.

— У вас бешеный темперамент. Это чаще помогает или мешает?

— Недавно я вдруг решил сыграть спокойного человека: сидеть и степенно, солидно, с паузами разговаривать. Меня хватило минуты на четыре, потом я опять завелся.

Другой вопрос, что темперамент должен быть управляемым. Я вдруг сейчас подумал: не будь у меня темперамента, чем еще

стал бы интересен Сухоруков? Боюсь, что ничем. Хотя в фильме Павла Лунгина «Остров» я сыграл настоятеля монастыря, владыку Филарета. Если бы вы знали, сколько я потратил сил и энергии, чтобы укротить темперамент! Потому что хотел сыграть не человеческую страсть, а разговор с небом. Говорят, получилось.

— Что из составляющих фильма: сценарий, режиссер, хороший актерский ансамбль — является для вас решающим при согласии на роль?

— Мне не важно, какой режиссер. Метр, мы знаем, кашу не испортит. С молодым надо рисковать и идти на эксперимент — вдруг из него что-то получится. Как случилось у меня с Балабановым: дебютировали трудно, а потом оказалось, что он замечательный, яркий художник. Поэтому соглашаюсь на роль, если нахожу ответ на один вопрос: совершает ли мой персонаж поступки? Если нет поступков, мне роль неинтересна.

— Вы смотрите отечественные фильмы?

— Смотрю.

— Нет ощущения, что документальные ленты последних лет намного сильнее и интереснее игровых?

— Нет, я не согласен. Я очень

люблю документалку, у меня даже было желание поехать на фестивали документального кино. Оно сильно, да. Но оно всегда было сильно, потому что всегда развивалось в бедности. И потому сегодня не утратило своих позиций.

Что касается художественного кино, вспомните 1990-е годы: кинематограф был в болезненном состоянии. Казалось, что все, конец российскому кинематографу. Но уже через десять лет заго-

ворили о жанре. Мол, кино-то есть, возрождается, но только почему-то узкожанровое — криминальное. Сегодня вторгаются технологии, тратятся огромные деньги. Развитие идет очень динамичное.

— А у вас режиссерских амбиций нет?

— Никогда не было. Я актер. Зачем мне думать о режиссуре?

— Какое место занимает в вашей жизни театр?

— Главное. Я люблю театр. Эта стихия мне дорога, родственна. Может быть, еще и потому, что я до сих пор ощущаю дефицит театра в своей жизни. Я там еще не истерзал себя, не реализовался до той степени, когда мог бы охрипеть, иссякнуть. Нет, с театром пока у меня не ладится по настоящему.

— Вы хотите чаще выходить на сцену?

— Да. Кинематографическая база у меня очень богатая. И по жанрам, и по ролям, и по режиссерам. А в театре... Был спектакль «Лир» в Вахтанговском — его закрыли. Выпустил спектакль «Человек из ресторана», потратил на него девять месяцев жизни и труда — он не получился, и мы его не играли. Были «Игроки», любимые мною, — Олег Меньшиков снял их с репертуара в прошлом году. И какая-то пустота у меня образовалась: то режиссер вызывает у меня сомнения, то компания не нравится, а чаще — пьесы плохие. А так как я существую с полной самоотдачей, у меня нет полутонов, и я очень ответственно сегодня живу, выбирая роль, хочется найти воссоединение драматургии, партнерства и режиссуры.

— Виктор, актер — это все-таки какая профессия, мужская или женская?

— Моя бы воля, я бы, наверное, не позволил женщинам заниматься актерством. Эта профессия и физически тяжелая, но главное — она все равно отмечает человека некоей краской, которую не пристало носить женщине. Если она хочет нести дальше женственность и красоту. Но я готов это вычеркнуть, и если вы лукаво задаете вопрос...

— Нет, не лукаво. Когда мы говорим об актерской профессии, мы понимаем: актер — существо чудовищно зависимое, что мужчине вроде как не пристало.

— Зависимость существует везде.

— Но истинный союз режиссера и актера — это всегда роман, не в смысле грубой физиологии, разумеется.

— Это опять кто-то придумал. Просто в союзе, в сотрудничестве, во взаимопонимании легче рождается произведение искусства, чем в отсутствие этих тесных связей. Но я думаю, что актерской профессией, как и многими другими на земле, могут заниматься и женщины, и мужчины. Лишь бы это было талантливо и нужно людям. Мне неважно, какого я пола в профессии. Людям чего надо? Зрелища. Вот я и хочу трансформироваться в зрелище.

— Вы счастливый человек?

— Да, я счастливый человек. Мне многого не надо, поэтому я и счастлив. Самое страшное, что время бежит так быстро, что никакими вождями не удержать. А хочется его тормознуть и сказать: «Подожди, время, не спеши, продышись! Ведь я многого еще не сделал, не успел, с кем-то не встретился, не поговорил». А год пролетел, как один день. Но я не жалею. Потому что живу очень интересно.

